

А. Боровой

**Личность и общество в
анархистском мировоззрении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

- A11 **А. Боровой**
Личность и общество в анархистском мировоззрении / А. Боровой – М.: Книга по Требованию, 2013. – 104 с.

ISBN 978-5-517-90138-5

В книге российского философа и историка А.А.Борового (1875-1935) дается всесторонний обзор анархизма в контексте социальных проблем, в аспекте взаимоотношений личности и общества. Постановку и решение широкого круга проблем (свобода, равенство, смысл и цель жизни, политика) автор дает в историко-философском экскурсе, делая обстоятельный разбор как западных мыслителей, так и отечественных властителей дум (В.С. Соловьева, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и др.). Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1920 года

ISBN 978-5-517-90138-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Моему другу

Эмилии Васильевне

Струве.

Предисловие.

Предлагая читателю чрезвычайно интересный этюд тов. Ал. Борового, мы считаем нужным заявить, что далеко не во всем согласны с автором. Нам кажется, что автор вплотную подошел, но не разрешил основной проблемы отношения личности к обществу. Автор несомненно перегибает палку в сторону индивидуализма, в индивидуальном видит он конец, начало и смысл социального бытия. Но тов. Боровой чересчур научно образованный человек, чтобы не знать призрачности и научной бесплодности того индивидуализма, который впадает в „грех“ атеизма, и иллюзионизма. Автора можно упрекнуть лишь в том, что он скорее утилитарно-психологически, но не методологически, связывает личность с обществом, и потому-то связь личности с обществом является для автора

в значительной мере, актом волеизъявления со стороны личности. Мы могли бы указать на много существенных разногласий между нами и автором, но ограничимся сказанным. Добавим лишь вот что: этюд тов. Борового по широте захвата, по свежести тона, по громадной эрудиции автора заслуживает серьезного внимания со стороны читателя, ищущего не готовых рецептов, а постановки проблем.

«Голос Труда».

Личность и общество в анархистском мировоззрении.

Есть вопросы старые, как человек.

Такова — проблема о взаимоотношении между личностью и обществом.

Задолго до того, как человек сумел возвыситься до первых социологических обобщений, инстинкт самосохранения, голос зоологии раскрыл ему тайну противопоставления между „я“ и „не я“, между „личностью“ и „миром-природой“, в области общественной — между личностью и обществом подобных ей.

Проблема эта встает во весь рост в самых ранних политических трактатах. У софистов, Платона, Аристотеля мы находим уже глубокое и мучительное выражение ее. И по сию пору остается она значительнейшей темой человеческих размышлений.

Авторитетнейший публицист современности — Еллинек писал однажды: „Познание правильной границы между личностью и обществом — вот величайшая из проблем обществоведения“.

Но и доселе не только нет общего согласного мнения о преимуществах одного

разрешения антиномии перед другим, но, по мере роста общественного самосознания, по мере развития и укрепления в современном человеке чувства его личного достоинства, проблема становится все более острой, мучительной, необходимость разрешения ее — неотложной.

Однако наряду с бесчисленными рецептами, предлагаемыми отдельными мировоззрениями или учениями, есть и сейчас философы, политические мыслители, социологи, отрицающие принципиальный антагонизм между личностью и обществом и пытающиеся растворить антиномию в пустых и поверхностных компромиссах.

Задача настоящего очерка — подвести вкратце итоги тому, что доселе было сделано в разрешении вечной проблемы и наметить возможности ее решения в анархистском мировоззрении.

В огромном разнообразии воззрений на человека и человеческую природу, можно выделить два основных утверждения.

Первое гласит, что человек, не взирая на все частные его совершенства, есть лишь некоторая подробность мироздания, второе, что человек, не взирая на его отдельные дефекты — есть величайшая загадка бытия, естественный центр мироздания.

Оба убеждения с необыкновенной силой были раскрыты уже на рубеже нового времени.

Великое открытие Коперника невыносимой тяжестью легло на нравственное самосознание человечества. И планета на кото-

рой живет человек, и сам человек — песчинки, несомые гигантским непостижимым вихрем, жертвы мировых случайностей. Они — бессильны противостоять увлекающему их потоку и в бессилии этом тонут человеческие цели; человеческие ценности кажутся случайными и ненужными.

В пантеистическом учении Джордано Бруно о единстве мироздания это убеждение в ничтожестве человека и случайности его целей получило законченную форму.

Человек — не центр космоса. Он — ничтожная частица в бесконечной связности миров. Нет в человеческой природе таких особенностей, которые бы требовали особого исследования. Она строится и развивается согласно непреложным и всеобщим космическим законам. В них — решение ее запросов и ее последующих судеб.

В мировом процессе — нет особых человеческих целей. Человеческие чувства, их характер и напряженность — безразличны космическому потоку, который есть вечный, единый и замкнутый в себе порядок, безграничное, непрерывное чередование жизни и смерти.

И в этом круговороте безвозвратно тонут представления, понятия и нравственные законы человеческого мира.

Так во вселенском потоке Бруно нет места человеку. Он исчезает в его пучинах. Ему предоставляется одно — стремиться к постижению единства всех жизненных явлений, к уловлению закономерностей, регулирующих космическую жизнь. Этим разрешаются все противоречия: противоречия вну-

тренного мира человека также, как противоречие между ним и окружающей его природой. Человек становится лишь одушевленной ее частью. И поскольку сама природа была неистощимым творческим источником истины и добра, человек, растворявшийся в ней, приобщался абсолютному благу¹⁾.

Но тот-же великий индивидуалистический поток, из коего вышел Бруно, мог противопоставить учению его утверждения и прямо противоположного характера.

Пико делла Мирандола, столетием почти предварявший Бруно, тот, в ком современники видели „совершеннейшее произведение природы“, сложил самую удивительную апологию человека, какую знает его история.

Для Мирандолы человек — центр мироздания, естественная связь между всеми тварями вселенной и бесспорный господин над ними.

Уже в том нам раскрывается его значение, что он — последнее слово Творца, его последняя и наиболее трудная работа. Человек наделен всеми качествами, которые

¹⁾ Для нас сейчас не имеет значения — получало ли утверждение этой глубокой зависимости человека от общего космического процесса — оптимистический или пессимистический характер: бил-ли в нем экстатический пантеизм Бруно, звучали ли убийственные саркастические ноты Санчеса, сквозила безисходная скорбь и мучительная ирония Леопарди (см. особ. „Dialogo di'un foletto e di'un gnomo“ или „Il Correggido“), или наконец, неизживаемая драма сознания своего атомизма, ведущая прямо к смерти, как у Ван-Гога.

другим тварям принадлежат лишь в раздельности¹⁾.

Великий мастер, создавший все живое, сказал человеку: „я поставил тебя в центре вселенной, чтобы ты мог свободно избрать то, что наиболее тебе подходит. Ты не принадлежишь ни небу только, ни земле... Ты — не смертен и не бессмертен... Ты можешь пасть до последних ступеней животности, ты можешь возвыситься до божества... Ты можешь быть тем, кем пожелаешь быть“.

И в патетическом motto одного из близких уже нашей современности философов (Страхов) мы чувствуем как-бы отзвук парящей души Мирандолы: „Человек — вот узел мироздания, его величайшая загадка, и, если-бы ее удалось объяснить, совершенная разгадка этого мироздания“.

Так в утверждении этом человек есть

¹⁾ Это есть центральная мысль о человеке и в ветхозаветной космогонии. „Человек, по книге Бытия, создается после всей твари. Это значит, что онтологически он всю ее в себя включает: динамически в со есть человек, хотя человек, имея в себе образ Божий, остается выше всего. Бог создал тело человека из земли (Адам и адама, по еврейски: земля), это значит, что человек причастен всем земным стихиям, их в себе имеет, есть микрокосм. Он стоит вместе с тем и на вершине животного мира, образованного из той-же земли. Он есть в этом смысле и всеживотное, и это явствует не только из общего его места на иерархической лестнице бытия, но и прежде всего, из того факта, что Бог приводит животных и птиц к человеку „чтобы видеть, как он назовет их“. И „нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым“. См. С. Н. Булгаков. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. Изд. Моск. Научн. Инст. М. 1916. стр. 14—15.

как-бы исключение в общем строе природы. Ошибкой, преступлением против нашего самосознания было-бы смешать его с стихийными силами природы или подчинить его действию законов, управляющих и миром животных.

И анархистское мировоззрение в этом споре — в общем и целом — должно быть с Мирандолой.

Разумеется, мы далеки от мысли — вернуться к старому, отжившему убеждению о непроходимой пропасти, лежащей между психической жизнью животных и человека, убеждению, жившему долго силой невежества или своеобразного благочестия. Эспинас был прав в своем возражении мыслителям, с чрезмерной ревностью оберегавшим достоинства человеческой природы: „Возвышая общество животных, мы возвышаем вместе с тем общество человека, которое так далеко оставляет их за собой, и так неоспоримо над ними господствует“¹⁾.

Это господство измеряется не количественными различиями, но по существу.

Уже Фихте говорил о вечном прогрессе человеческой культуры в отличие от хозяйственно-бытового консерватизма в мире животных. Еще более подчеркнул эту мысль марксизм своим учением о техническом прогрессе (производство средств производства), сообщившем человеческому обществу прогрессивный динамизм, в отличие от мира животных, остающихся неизменно на старых

¹⁾ Эспинас. Социальная жизнь животных. СПб, 1898, стр. 78.